



Жара  
ПОСЛЕ  
ИЗМЕНЫ

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

МУНИРА ВАГИНА

18+

# Мунира Вагина

## Жара после измены

<https://litres.ru/74530507>

SelfPub; 2026

### Аннотация

Зера Алиева привыкла лечить чужую боль и не задавать лишних вопросов. Но однажды в её кресло садится Гирей Керимов — богатый, влиятельный, женатый мужчина, который привык получать всё, чего хочет. Сначала между ними только спор: врач отказывается подчиняться его правилам, а он впервые сталкивается с женщиной, которую нельзя купить ни деньгами, ни подарками, ни властью.

Очень скоро раздражение превращается в опасное влечение. Гирей начинает искать встреч, ревновать без права на ревность и стирать границы, которые Зера поставила с первого дня. Но запретная связь с чужим мужем оказывается лишь началом. За его фамилией стоят связи, семейные тайны, прокурорское покровительство и люди, привыкшие решать чужую судьбу одним звонком. Когда желание мужчины превращается в требование, Зере приходится бороться уже не за любовь — а за право самой распоряжаться своей жизнью.

В книге присутствует нецензурная брань.

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| ГЛАВА 1                           | 4  |
| Острая боль                       | 4  |
| Безупречная витрина               | 17 |
| Повторный приём                   | 32 |
| Возвращённый подарок              | 46 |
| Чужая забота                      | 59 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 72 |

# Жара после измены

## ГЛАВА 1

### Острая боль

В полдень жара навалилась на город тяжёлой ладонью. Асфальт у клиники блестел, будто его только что облили маслом, кондиционер в коридоре гудел без толку, а из приоткрытого окна тянуло пылью, горячим металлом и бензином.

Зера закончила приём пожилого мужчины, сняла перчатки и бросила их в жёлтый контейнер. На стекле шкафа дрожало её отражение: собранные в узел волосы, белый халат, тонкая полоска усталости под глазами. Врачебная усталость была честной. Она появлялась после нескольких часов чужой боли и исчезала, когда дверь кабинета закрывалась.

— Зера Сафаровна, там человек говорит, что ему срочно, — сказала администраторша Лена, заглянув в кабинет. — Очень срочно.

— У нас все срочно.

— Он говорит, что у него зуб раскалывается.

Зера посмотрела на часы. До следующего пациента оставалось двадцать минут. Запись была плотной до вечера, и каждый, кто приходил без предупреждения, считал, что

именно его боль важнее чужой.

— Пусть подождёт.

Лена замялась.

— Он не хочет ждать.

— Тогда пусть не ждёт.

— Зера Сафаровна, он приехал на чёрной машине с охраной.

— Зуб от этого не станет менее больным.

Лена тихо вздохнула и скрылась за дверью. Через несколько секунд в коридоре послышался мужской голос. Низкий, раздражённый, с той уверенностью, которая обычно вырастает не из характера, а из привычки, что перед тобой расступаются.

— Я сказал, мне нужен врач. Сейчас.

— Врач занят, — ответила Лена.

— Тогда пусть освободится.

Зера вымыла руки, надела новую пару перчаток и вышла в коридор.

У окна стоял мужчина лет тридцати пяти — тридцати восьми. Высокий, широкоплечий, в светлой рубашке без галстука. Верхние пуговицы были расстёгнуты, рукава закатаны до локтей. На запястье блестели часы, слишком дорогие для тесного коридора с облупившимся подоконником. Рядом с дверью, не снимая тёмных очков, стоял его охранник.

Мужчина обернулся. Лицо у него было красивое, но красота выглядела измученной. Правая щека чуть дёргалась, гу-

бы сжались в тонкую линию.

— Вы врач? — спросил он.

— Нет, я здесь для украшения стен.

Охранник едва заметно повернул голову. Лена опустила глаза, чтобы не улыбнуться.

Мужчина посмотрел на Зеру внимательнее.

— Мне нужна помощь.

— Это уже ближе к делу. Проходите.

Он двинулся за ней, но у двери кабинета остановился.

— Без него, — сказала Зера, взглянув на охранника.

— Он остаётся со мной.

— Нет.

— Я не привык заходить один.

— А я не привыкла лечить людей в присутствии посторонних. Вы можете выбрать: кабинет без охранника или другая клиника.

Мужчина на мгновение прикрыл глаза. На лице промелькнуло не сомнение, а раздражённое удивление: ему предложили выбор там, где он привык отдавать распоряжения.

— Подожди здесь, — бросил он охраннику.

Тот кивнул.

Зера первой вошла в кабинет. Мужчина последовал за ней, закрыв дверь. Внутри пахло мятным раствором, резиной перчаток и чем-то металлическим. За окном плавился белый свет. На кресле лежала чистая салфетка, рядом поблёскивали инструменты.

— Садитесь.

Он сел, осторожно коснувшись спинкой кресла. Видно было, что боль не притворная: на виске выступила влага, пальцы правой руки сжались на подлокотнике. Но даже боль не отняла у него привычки держаться так, будто он владеет всем помещением.

Зера надела маску и перчатки.

— Что случилось?

— Зуб.

— Это я уже поняла.

— Нижняя челюсть справа. Началось утром. Сначала терпел, потом стало невозможно.

— Ночью усиливается?

— Уже усилилось.

— От холодного или горячего боль становится сильнее?

— От всего.

— Температура была?

— Не знаю.

— Аллергия на лекарства?

— Нет.

— Постоянные заболевания?

Он посмотрел на неё с раздражением.

— Вы будете задавать вопросы или лечить?

— Вопросы помогают лечить. Если хотите, могу перейти сразу к удалению. Но тогда придётся отвечать за решение вам.

Он умолк.

Зера откинула спинку кресла и попросила открыть рот. Мужчина подчинился нехотя, словно делал одолжение. Она осмотрела зубы зеркалом и зондом, надавила на десну. Он резко втянул воздух.

— Не дёргайтесь.

— Я не дёргаюсь.

— Вы только что чуть не выбили мне руку.

— У меня болит.

— У всех пациентов что-нибудь болит. Вы не исключение.

Он сжал челюсти, но промолчал.

На шестом нижнем зубе обнаружилась глубокая полость. Десна вокруг была воспалена, стенка зуба потемнела. Зера осторожно постучала по эмали. Мужчина откинулся назад и выругался сквозь зубы.

— Воспаление нерва, — сказала она. — Зуб можно сохранить. Сегодня снимем острую боль, очистим каналы, поставим лекарство. Потом понадобится ещё несколько посещений.

— Сколько времени?

— Первичный приём — около часа.

— У меня нет часа.

— Тогда у вас нет и лечения.

Он повернул к ней голову.

— Вы знаете, кто я?

— Пациент с воспалённым зубом.

— Я Гирей Ахтемович.

— Это имя, а не диагноз.

На секунду в кабинете стало очень тихо. За стеной зазвонил телефон, кто-то прошёл по коридору, скрипнув подошвами по линолеуму.

Гирей смотрел на неё так, будто пытался понять, шутит она или действительно не знает. Потом усмехнулся — коротко, без веселья.

— Гирей Ахтемович Керимов. Сеть автосалонов «Беялов-авто».

Зера сняла перчатку и выбросила её в контейнер. Она знала эти салоны. Их стеклянные фасады стояли на главных улицах города, а машины за витринами сияли так, словно никогда не видели пыли и пробок. Иногда по дороге на работу она проходила мимо одного из них и замечала людей, которые входили туда с надеждой, а выходили с папками и тревожными лицами.

— Я поняла, — сказала она.

— И?

— Ничего.

Его бровь чуть поднялась.

— Обычно после этого люди предлагают принять меня без очереди.

— Я уже принимаю вас без очереди. Из-за боли.

— Мой водитель может оплатить всё сейчас.

— Оплата производится в кассе после приёма.

— Я не об этом.

— А я именно об этом.

Зера снова надела перчатки. Гирей всё ещё смотрел на неё, и в его взгляде постепенно проступало что-то новое. Не интерес — до него было ещё далеко. Скорее, досада человека, который встретил запертую дверь и не нашёл ручки.

— Сделайте анестезию, — сказал он.

— Сначала подпишите согласие.

— Я согласен.

— Подпись нужна на бумаге.

Она подала ему бланк. Он взял ручку, быстро поставил росчерк и протянул документ обратно. Зера сверила фамилию, дату рождения, наличие аллергии. Всё было написано разборчиво и без обычных для богатых пациентов попыток поручить подпись кому-нибудь рядом.

— Вы сами будете лечить? — спросил он.

— А кто ещё?

— Мне говорили, здесь работает хороший специалист.

— Вы с ним разговариваете.

— Мне сказали, что это мужчина.

— Значит, вам сказали неправду.

Он снова усмехнулся, но боль тут же стёрла усмешку. Гирей прикрыл рот ладонью и переждал приступ. Пальцы у него были сильные, ухоженные, с коротко подстриженными ногтями. На безымянном пальце блеснуло кольцо.

Зера заметила его только мельком, но этого хватило, что-

бы составить простую и неинтересную догадку: женат.

Она подготовила шприц.

— Откройте рот.

— Вы всегда так разговариваете с пациентами?

— Только с теми, кто пытается управлять кабинетом вместо того, чтобы лечиться.

— А если человек привык, что его слушают?

— Тогда ему полезно иногда побыть в кресле.

Игла вошла в десну. Гирей вздрогнул, но не отстранился. На лбу у него выступили капли пота. Зера дождалась, пока подействует обезболивание, и приступила к работе. Она действовала спокойно и точно, не торопясь, но и не растягивая время. Бормашина загудела, и Гирей вцепился пальцами в подлокотники.

Через несколько минут он поднял левую руку. Зера выключила прибор.

— Что?

Он показал на рот.

— Сплюньте.

Он сделал это в слюноотсос, затем спросил, с трудом выговаривая слова:

— Долго ещё?

— Если будете говорить, дольше.

Он зло посмотрел на неё и замолчал.

Работа требовала сосредоточенности. Зера видела перед собой не владельца сети, не человека с охраной и дорогами

часами, а воспалённый зуб, который нужно было очистить до здоровых тканей. Чужая должность не имела значения, когда пациент открывал рот. Там все становились одинаковыми: уязвимыми, зависимыми от чужих рук, вынужденными довериться.

Когда первый этап был закончен, она закрыла зуб временной пломбой и подняла кресло.

— Сегодня не жуйте на этой стороне. Таблетки я выпишу. Если появится отёк или температура, звоните немедленно.

Гирей медленно сел. Боль, похоже, отступила, но лицо оставалось напряжённым.

— Я могу продолжить лечение в другой день?

— Конечно.

— Когда?

Зера открыла журнал.

— Через пять дней есть окно в одиннадцать сорок.

— Раньше.

— Нет.

— У меня работа.

— У меня тоже.

— Я могу прийти утром.

— В одиннадцать сорок — утро.

— В восемь.

— Клиника открывается в девять.

— Откройте раньше.

Зера подняла глаза.

— Нет.

Он смотрел на неё несколько секунд. Теперь, когда острая боль ушла, он вновь становился похож на себя прежнего — человека, привыкшего, что обстоятельства подстраиваются под него. Но в этом возвращении было что-то неполное. Ему словно не хватало привычного превосходства, и он пытался нащупать его словами.

— Вы понимаете, что я могу обратиться в любую клинику города?

— Понимаю.

— И найти врача, который примет меня в удобное время.

— Это ваше право.

— Вы не боитесь потерять пациента?

— Если бы я боялась терять каждого пациента, который недоволен правилами, у меня не осталось бы времени лечить зубы.

Гирей опустил взгляд на свои часы. На циферблате отражался белый свет лампы.

— Сколько я должен?

Зера назвала сумму.

Он достал бумажник. Купюры легли на столик рядом с инструментами — больше, чем требовалось.

— Здесь достаточно.

— Лишнее заберите.

— Оставьте себе.

— Я не беру чаевые.

— Это не чаевые.

— Тогда тем более заберите.

Он медленно убрал деньги, отсчитал нужную сумму и положил её на столик. В этом движении было больше напряжения, чем в разговоре. Гирей привык платить за скорость, молчание, уступки. Деньги для него были не только средствами, но и способом закрывать расстояние между собой и другими людьми. Здесь они не закрывали ничего.

У двери он остановился.

— Как вас зовут полностью?

— Зачем?

— Чтобы записаться на следующий приём.

— Вы можете спросить у администратора.

— Я спрашиваю у вас.

— Зера Сафаровна Алиева.

Он повторил про себя её имя, будто проверял, как оно звучит.

— Зера Сафаровна, — сказал он, — вы всегда так обращаетесь с людьми?

— Как?

— Будто они вам мешают.

Она сняла перчатки и выбросила их.

— Вы пришли с болью, Гирей Ахтемович. Не с правом на особое обращение.

Его лицо изменилось. Совсем немного: уголок рта дёрнулся, взгляд стал пристальнее. В нём уже не было прежне-

го недоумения. Теперь там возникло внимание — тяжёлое, цепкое и неприятное.

— Я запомню.

— Это не обязательно.

Он открыл дверь. Охранник отступил в сторону. В коридоре Гирей сразу выпрямился, словно за порогом ему вернули привычную оболочку. Лена поднялась из-за стойки.

— Следующий приём через пять дней, в одиннадцать со-рок, — сказала Зера вслед.

— Я сам вам позвоню.

— Нет необходимости. Запись внесена.

— Я позвоню.

Он вышел. Через стекло Зера увидела, как охранник открывает перед ним дверь чёрного автомобиля. Гирей сел на заднее сиденье, но не уехал сразу. Несколько секунд он смотрел на окна клиники.

Зера вернулась в кабинет и начала раскладывать инструменты.

— Знаете, кто это? — спросила Лена, появившись в дверях.

— Он уже представился.

— Его отец был крупным человеком. А сам он теперь владеет почти всеми автосалонами в городе. У него даже в соседнем крае филиалы.

— Очень хорошо.

— И охрана у него настоящая. Не для вида.

— У него воспалённый зуб.

— Вы всё упрощаете.

— Нет. Я как раз стараюсь не усложнять.

Лена посмотрела на деньги в журнале, на закрывшуюся дверь, потом тихо сказала:

— Он на вас запал.

Зера резко повернула голову.

— Не говори глупостей.

— Я видела, как он смотрел.

— Он смотрел, потому что ему отказали.

— Это почти одно и то же.

— Нет, Лена. Совсем не одно.

Она достала новый набор инструментов и проверила его состав. Металл холодно блеснул под лампой.

За окном автомобиль наконец тронулся. На мгновение чёрный кузов отразил солнце и исчез за раскалённым перекрёстком.

Зера записала в карте: «Острый пульпит. Лечение начато. Повторный приём — через пять дней».

Потом закрыла карту и взяла следующую.

## ГЛАВА 2

# Безупречная витрина

Квечеру жара не спала. Она только переместилась с улиц в стены дома, осела на мраморном полу, на тяжёлых шторах, на серебре, разложенном к ужину. Кондиционеры работали без передышки, но воздух оставался вязким и тёплым, словно дом тоже устал дышать.

Луиза стояла перед зеркалом в спальне и застёгивала серьги. За окном темнел сад: подстриженные кусты, чёрные стволы кипарисов, подсвеченный бассейн. Вода казалась холодной, хотя Луиза знала, что и в ней сегодня не спасёшься от духоты.

На кровати лежало платье, которое она выбрала для ужина. Тёмно-синее, закрытое, с узким поясом. Отец не любил, когда она выглядела слишком нарядной в его присутствии. Он считал это вызовом. Гирей, напротив, предпочитал, чтобы рядом с ним она выглядела безупречно: дорого, спокойно, недоступно для чужих догадок.

За дверью слышались шаги.

— Ты готова? — спросил Гирей.

— Уже иду.

Он не вошёл. Луиза видела его отражение в зеркале: белая рубашка, тёмные брюки, волосы зачёсаны назад. На лице — обычное выражение человека, которому весь день приходилось терпеть чужую глупость. Только сейчас в нём была ещё

одна черта: рассеянность.

— Что с тобой? — спросила она.

— Ничего.

— Ты третий раз смотришь на часы.

— Я просто хочу, чтобы ужин закончился вовремя.

— Отец приезжает не для того, чтобы закончить его вовремя.

Гирей усмехнулся.

— Твой отец вообще ничего не делает вовремя. Он делает всё тогда, когда ему удобно.

Луиза надела вторую серьгу и посмотрела на мужа.

— Не говори это за столом.

— Я когда-нибудь говорил за столом то, что действительно думаю?

— Иногда ты забываешься.

— Это случается только рядом с тобой.

Она не ответила. На туалетном столике лежал её телефон. Экран погас, но Луиза ещё помнила последнее сообщение, пришедшее днём: «Он снова был с ней». Без имени, без объяснений. Ей не требовались объяснения.

Гирей изменял ей давно. Сначала она замечала запах чужих духов на рубашках, потом поздние звонки, короткие поездки, внезапные деловые встречи. Впоследствии он перестал особенно скрываться. Возможно, решил, что ей всё равно некуда уйти. Возможно, просто перестал считать нужным лгать.

Она взяла с кресла тонкую шаль.

— Пойдём.

Внизу уже ждали. Сулейман Белялов приехал без предупреждения, как всегда. Он не спрашивал, удобно ли его визит. Двери перед ним открывались сами — не из вежливости, а из осторожности.

Он сидел во главе стола, сняв пиджак и аккуратно сложив его на спинке стула. Ему было около шестидесяти, но густые тёмные волосы и крепкая фигура делали возраст незаметным. Только веки тяжело нависали над глазами, да у висков серебрилась седина. На белой скатерти перед ним стоял стакан минеральной воды, к которому он почти не прикасался.

— Наконец-то, — сказал он.

— Мы не опоздали, — ответила Луиза.

— Я сказал «наконец-то», а не «вы опоздали».

Гирей занял место напротив тестя. Луиза села рядом. Между ними оставалось достаточно расстояния, чтобы случайно не соприкоснуться руками.

Сулейман посмотрел на зятя.

— Как дела?

— Хорошо.

— Это я вижу. Я спрашиваю, как дела.

— В автосалонах всё спокойно. Поставки пришли утром. По двум сделкам ждём окончательных решений.

— По каким сделкам?

— По земле на южной окраине. Хотим расширить стоянку

и построить новый выставочный зал.

— Хотите?

— Будем строить.

Сулейман подцепил вилкой кусок рыбы.

— Земля муниципальная.

— Поэтому мы и ждём решения.

— Решение уже принято. Другое дело, что его ещё не подписали.

Гирей положил нож рядом с тарелкой.

— Ты можешь ускорить?

— Могу.

— Тогда ускорь.

Луиза едва заметно напряглась. Отец не любил приказного тона. Даже если приказ исходил от человека, которому он помогал не один год.

Сулейман медленно прожевал рыбу и промокнул губы салфеткой.

— Ты просишь или распоряжаешься?

— Я уточняю, на что могу рассчитывать.

— Рассчитывать можешь на то, что я не позволю твоим конкурентам забрать участок под носом у города.

— Мне не нужна благотворительность.

— Не льсти себе. Благотворительность получают люди, которым нечем расплатиться.

Гирей усмехнулся.

— Значит, это услуга?

— Это порядок. Ты платишь налоги, создаёшь рабочие места, не устраиваешь скандалов. Я слежу, чтобы в нужных кабинетах не забывали о твоих документах.

Луиза опустила взгляд на тарелку. Вот так они разговаривали последние годы: отец называл покровительство порядком, Гирей — деловым содействием, а она слышала в каждом слове напоминание о долге.

На стол подали горячее. Домработница расставила блюда и бесшумно ушла. В фарфоровой миске остывал борщ, рядом стояли запечённое мясо, зелень, маленькие пироги. Сулейман любил, когда стол выглядел богато, даже если ел почти ничего.

— Кстати, — сказал он, — у тебя снова была проверка?

— Небольшая, — ответил Гирей.

— Небольших проверок не бывает. Бывают проверки, о которых предупреждают заранее.

— Предупредили.

— И?

— Ничего серьёзного. Бумаги посмотрели, уехали.

Сулейман бросил на него внимательный взгляд.

— Не говори «ничего серьёзного», если не знаешь, что именно они искали.

— Они искали обычные нарушения.

— Обычные нарушения находят у тех, кто не умеет вести дела.

Гирей взял стакан с водой.

— У меня всё чисто.

— Тогда тебе нечего нервничать.

— Я не нервничаю.

— Ты сегодня уже второй раз это говоришь.

Луиза подняла глаза. Отец наблюдал за мужем с тем же выражением, с каким смотрел на подчинённых: терпеливо, но без уважения. Гирей терпеть не мог, когда его ставили в положение просителя. Однако сеть автосалонов держалась не только на деньгах, удаче и его умении договариваться.

Три года назад одна проверка могла закрыть половину его предприятий. Сулейман тогда позвонил нужному человеку. Потом другому. Изъятые документы вернулись в тот же вечер, а дело исчезло из списка. После этого Гирей получил выгодный кредит, разрешение на строительство и место в совете предпринимателей, где его фамилия стала звучать раньше фамилий людей с гораздо более старым капиталом.

Каждая услуга имела цену. Просто Сулейман никогда не называл её вслух.

— На следующей неделе будет совещание по лицензиям,

— сказал прокурор. — Тебе нужно приехать.

— Я пришлю управляющего.

— Ты приедешь сам.

— У меня дела.

— У тебя всегда дела. А потом выясняется, что нужный человек тебя не знает.

— Он знает.

— Он знает твою фамилию. Это не одно и то же.

Гирей откинулся назад.

— Что ты хочешь?

— Ничего особенного. Посидишь рядом с людьми, которых считаешь ниже себя, слушаешь их вопросы, ответишь без высокомерия.

— Я не высокомерен.

Луиза впервые за вечер тихо усмехнулась.

Гирей повернул к ней голову.

— Что?

— Ничего.

— Нет, скажи.

— Папа прав.

— Конечно. Он всегда прав.

Сулейман не улыбнулся.

— Видишь, Луиза умеет быть полезной.

— А ты умеешь превращать ужин в совещание, — ответил Гирей.

— Потому что без совещаний ты бы давно потерял половину того, что имеешь.

На несколько секунд повисла тишина. Где-то в саду щёлкнула автоматическая поливальная установка. Вода ударила по камням, зашелестела по кустам.

Гирей посмотрел на тестя.

— Ты считаешь, что без тебя я никто?

— Я считаю, что ты слишком часто забываешь, кому обя-

зан.

Луиза почувствовала, как внутри поднимается знакомая усталость. Ей хотелось встать, уйти, закрыться в спальне и не слышать ни одного мужского голоса. Но она знала: если уйдёт сейчас, отец сочтёт это слабостью, а Гирей — попыткой избежать разговора.

— Вы оба получили то, чего хотели, — сказала она. — Может быть, сегодня можно просто поужинать?

Сулейман посмотрел на дочь. В его взгляде появилось подобие мягкости, но Луиза знала: это была не нежность, а снисхождение.

— Мы и ужинаем.

— Нет. Вы торгуетесь.

— Это мужской разговор.

— Я твоя дочь, а не мебель.

Отец положил вилку.

Гирей едва заметно повернул к Луизе лицо. В его глазах мелькнуло удивление — он не привык, что она говорит с Сулейманом резко.

— Не повышай голос, — сказал прокурор.

— Я его не повышаю.

— Тогда не делай вид, будто я пришёл сюда унижать твоего мужа.

— Ты пришёл напомнить ему, что можешь отнять всё, что помог получить.

Гирей замер. Только пальцы его медленно сжались вокруг

стакана.

Сулейман откинулся назад.

— Если бы я хотел всё отнять, ты бы сейчас сидела не в этом доме.

— Это угроза?

— Это реальность.

Гирей поставил стакан на стол.

— Достаточно.

Сулейман перевёл взгляд на него.

— Я разговариваю с дочерью.

— В моём доме.

— Который построен на земле, полученной благодаря мне.

— И оплаченной моими деньгами.

— Деньги без доступа к нужным людям иногда стоят дешевле бумаги.

Гирей усмехнулся, но в его лице уже не осталось веселья.

— Значит, ты решил напомнить мне, что я у тебя в долгу?

— Я ничего не решал. Ты сам спросил, что я хочу.

Луиза посмотрела на мужа. На мгновение ей показалось, что он сейчас встанет и уйдёт. Но Гирей остался. Он умел терпеть, когда цена терпения была высокой.

Телефон в его кармане коротко завибрировал. Он достал его, взглянул на экран и сразу погасил. Движение было быстрым, почти незаметным, но Луиза увидела. Она всегда видела.

— Деловой звонок? — спросила она.

— Сообщение.

— От кого?

Гирей поднял на неё глаза.

— Какая разница?

— Никакой.

Сулейман взял ложку и попробовал борщ.

— Завтра утром заедешь ко мне, — сказал он. — К девяти.

— Не смогу.

— Сможешь.

— Я буду в салоне.

— Перенесёшь.

— У меня встреча.

— Перенесёшь встречу.

Гирей смотрел на него с такой ненавистью, что Луиза почти физически почувствовала её между ними. Но Сулейман не отступил. Он вообще редко отступал. В городе люди говорили, что прокурор Беялов способен остановить дело одним звонком и вернуть его к жизни другим. Говорили также, что он помнит не только оказанные услуги, но и каждую попытку уклониться от благодарности.

— Хорошо, — сказал Гирей.

— Вот и договорились.

— А если я не приеду?

Сулейман положил ложку на край тарелки.

— Тогда я сам приеду в твой салон. И мы поговорим при сотрудниках.

Луиза закрыла глаза. Ей было стыдно за отца, за мужа, за этот дом, где дорогая посуда не могла заглушить грубость голосов. Но стыд давно стал привычным, почти бытовым чувством. Как запах дорогого табака в кабинете Сулеймана или холод от каменного пола по утрам.

После ужина отец задержался в гостиной. Он пил крепкий чай и просматривал документы, которые привёз с собой. Гирей стоял у окна, держа в руке телефон. Луиза наблюдала за ним из кресла.

— Ты правда придёшь к нему утром? — спросила она.

— Приду.

— О чём он хочет говорить?

— О земле.

— Только о земле?

Гирей повернулся.

— Что ещё тебя интересует?

— Например, почему ты сегодня весь вечер смотришь на телефон.

— У меня много дел.

— У тебя много женщин.

Слова прозвучали спокойно. Именно поэтому Гирей не сразу нашёл ответ.

Сулейман медленно перевернул страницу. Он слышал, но не вмешивался.

— Не начинай, Луиза, — сказал Гирей.

— Я ничего не начинаю. Я просто больше не притворяюсь, что не понимаю.

— Тебе это ничего не даст.

— Мне уже давно ничего не даёт этот брак. Кроме фамилии, которую ты носишь как разрешение делать всё, что хочешь.

— Ты получила не меньше, чем я.

— Нет. Я получила мужа, который приходит домой, когда ему нужно прикрытие.

Гирей шагнул к ней.

— Следи за словами.

— Почему? Боишься услышать их от себя?

В гостиной стало тихо. Сулейман поднял голову, но продолжил молчать. Его присутствие превращало любую семейную ссору в допрос.

Гирей отвернулся к окну. В стекле отражалось его лицо — усталое, раздражённое, чужое. Перед глазами вдруг возникла белая комната небольшой клиники, холодный блеск инструментов и женщина в маске, которая говорила с ним так, будто он был обычным человеком.

«Вы пришли с болью, Гирей Ахтемович. Не с правом на особое обращение».

Он сам не понял, почему вспомнил именно это.

— Я не собираюсь обсуждать свои дела за семейным столом, — сказал он.

— Тогда не приноси их домой.

Луиза встала. Серьги тихо звякнули.

— Я поднимусь.

— Мы ещё не закончили, — бросил Гирей.

Она встретила его взгляд.

— Мы закончили давно. Просто ты всё ещё делаешь вид, что это не так.

Луиза ушла, не дожидаясь ответа.

Сулейман сложил документы и убрал их в кожаную папку.

— Ты глупо себя ведёшь.

— Не тебе меня учить семейной жизни.

— Я учу тебя не терять положение.

— Моё положение не нуждается в твоём надзоре.

— Нуждается. И ты это знаешь.

Гирей ничего не ответил.

Прокурор застегнул папку.

— Завтра в девять.

— Я помню.

— Хорошая память — полезное качество.

Сулейман надел пиджак и направился к выходу. Уже у двери он остановился.

— И ещё. Не создавай проблем с женщинами.

Гирей медленно поднял взгляд.

— С чего ты решил, что у меня проблемы?

— Потому что спокойный человек не смотрит на телефон так, будто ждёт приговора.

Сулейман вышел.

Через минуту внизу хлопнула дверь. Гирей остался один в огромной гостиной. За окнами сад тонул в темноте, бассейн светился ровным голубым прямоугольником. Всё вокруг выглядело дорогим, чисто и надёжно.

Безупречная витрина.

Он поднялся в спальню. Луиза уже лежала, отвернувшись к стене. На прикроватной тумбе горела лампа.

— Ты спишь? — спросил он.

— Теперь уже нет.

Гирей снял часы и положил их рядом с телефоном. Экран снова загорелся от нового сообщения. Он не стал открывать его. Вместо этого вспомнил лицо Зеры, её спокойный голос и то, как легко она отказала ему там, где другие давно бы уступили.

Ему вдруг захотелось снова услышать, как она произносит его имя.

Гирей лёг, но заснуть не смог. В доме работали кондиционеры, за стеной ровно дышала Луиза, а в темноте телефона ждали непрочитанные слова.

Он думал не о жене, не о завтрашнем разговоре с Сулейманом и даже не о земле на южной окраине.

Он думал о женщине, рядом с которой впервые почувствовал не власть, а голод — неутолимый именно потому, что она отказывалась быть доступной.

## ГЛАВА 3

# Повторный приём

Утром Зера проснулась раньше будильника. За окном уже белело от жары, хотя солнце ещё не поднялось над крышами. В комнате пахло пылью, мятной зубной пастой и вчерашним чаем, оставшимся в чашке на подоконнике.

Она долго лежала, глядя в потолок, и пыталась понять, почему вспомнила его.

Не имя — лицо. Тёмные глаза, слишком внимательные для человека, который пришёл только из-за больного зуба. Сухой голос. Дорогие часы, мелькнувшие под рукавом рубашки. И раздражение, которое он не сумел скрыть, когда она спокойно объяснила ему простую вещь: деньги не ускоряют заживление нерва.

Зера села на кровати и провела ладонями по лицу.

— Обычный пациент, — сказала она вслух.

Квартира промолчала.

Она встала, приняла душ, собрала волосы и надела светлую блузку под медицинский халат. В клинике её ждали записи, рентгеновские снимки и два удаления, одно из которых уже неделю откладывал пожилой мужчина. Работа была удобной тем, что не требовала угадывать чужие намерения. Боль показывала себя сама: отёком, температурой, воспалённой десной, жалобой на бессонную ночь.

Людей было сложнее читать.

В клинике пахло хлорсодержащим раствором и свежемолотым кофе. Лена стояла у стойки, листала журнал записи и одновременно разговаривала по телефону с поставщиком перчаток.

— Нет, нам нужны маленькие, — говорила она, зажимая телефон плечом. — Маленькие, а не те, в которых рука живёт отдельно от тела... Да, я понимаю, что на складе остались только большие. Но врачу нужны маленькие. Это не прихоть, это пальцы.

Увидев Зеру, Лена подняла указательный палец, прося подождать, и отвернулась к стене.

— Нет, не «примерно». Вы либо привезёте их сегодня, либо я найду другого поставщика. Да, именно так. Хорошего дня.

Она отключилась и положила телефон на стойку.

— Доброе утро. Если сегодня кто-нибудь спросит, почему у нас нет перчаток, я скажу, что они ушли искать себя.

— Ты могла просто сказать, что поставка задерживается.

— Могла. Но тогда человек не поймёт, что виноват.

Зера улыбнулась, сняла лёгкую куртку и повесила её в шкаф.

— Как записи?

— Плотно. В одиннадцать женщина с коронкой, в двенадцать мальчик, который боится бормашины больше, чем собственной матери. А в четырнадцать тридцать...

Лена сделала паузу.

— У нас внеплановый пациент.

— Кто?

— Твой знакомый.

Зера перевела взгляд на неё.

— Керимов?

— Он самый. Позвонили десять минут назад. Сказали, что у него снова болит.

— Я предупреждала, что после лечения может быть чувствительность.

— Ему, видимо, не понравилось слово «может». Он хочет приехать раньше.

Зера достала из шкафа папку с его снимком.

— Раньше нельзя. Мы назначили приём на пятницу.

— Я так и сказала. Потом мне объяснили, что у него плотный график.

— У него плотный график или у нас пустая клиника?

— Судя по голосу, пустая клиника у него в голове.

Зера открыла карту. На снимке воспалённый корень выглядел тёмной тенью среди белых линий зубов.

— Если боль усилилась, пусть приезжает. Осмотрю, но лечение раньше срока менять не стану.

— Я передам.

— И не записывай его вместо кого-нибудь.

— Даже если он предложит купить клинику?

— Особенно если предложит.

Лена усмехнулась, но глаза её стали серьёзными.

— Ты понимаешь, кто он?

— Пациент с воспалённым зубом.

— Я не о зубе.

Зера закрыла папку.

— Тогда мне это неинтересно.

В четырнадцать двадцать в коридоре слышались тяжёлые шаги. Не торопливые, но уверенные, будто человек заранее знал, что двери перед ним откроются. За стеклянной дверью показался Гирей. Сегодня он приехал один.

На нём была тёмная рубашка с закатанными рукавами. В руках — телефон и ключи от машины. Лицо казалось спокойным, однако у рта залегла напряжённая складка.

Лена встретила его у стойки.

— Гирей Ахтемович, вы записаны на пятницу.

— Я знаю.

— Доктор Алиева примет вас через несколько минут. Но если боль не усилилась, осмотр будет кратким.

— Я не возражаю.

— Заполните, пожалуйста, эту форму.

Он посмотрел на лист.

— Я уже заполнял её в прошлый раз.

— Медицинская карта у нас есть. Это согласие на внеплановый осмотр.

Гирей взял ручку. Подписал, не читая, и вернул бланк.

— Довольны?

— Я редко бываю довольна настолько быстро.

Зера услышала последние слова, когда вышла из кабинета.

— Проходите.

Он вошёл, прикрыв за собой дверь. В кабинете было прохладно, лампа над креслом отбрасывала резкий белый свет. Зера указала ему на кресло, сама надела перчатки.

— Что случилось?

— Болит.

— Где именно?

— Там же.

— Постоянно или приступами?

— Постоянно.

— Температура была?

— Нет.

— Отёк?

— Нет.

— Реакция на холодное, горячее?

— На холодное.

Зера посмотрела на него поверх маски.

— Это ожидаемо после первого этапа лечения.

— Тогда зачем мне ждать пять дней?

— Потому что тканям нужно время.

— А если боль станет сильнее?

— Позвоните в клинику. Если появятся отёк или температура, приезжайте немедленно.

Она наклонилась к нему, попросила открыть рот и остано-

рожно проверила область лечения. Гирей лежал неподвижно. Только пальцы его сжались на подлокотниках, когда инструмент коснулся чувствительного места.

— Больно?

— Терпимо.

— Вы в прошлый раз говорили то же самое.

— Я не люблю жаловаться.

— Вы не жалуетесь. Вы сообщаете врачу о симптомах.

— Вы всегда так разговариваете с пациентами?

— Только с теми, кто отвечает вместо того, чтобы отвечать на вопрос.

Он усмехнулся. Зера почувствовала это скорее по взгляду, чем увидела: уголки его глаз чуть дрогнули.

Она отстранилась и сняла перчатки.

— Воспаление не усилилось. Всё идёт по плану.

— Значит, я могу идти?

— Можете.

Гирей не встал.

— Вы в пятницу будете?

— Это моя клиника. Я здесь работаю.

— В прошлый раз мне сказали, что по пятницам вы иногда уходите раньше.

— Кто вам сказал?

— Ваша администратор.

— Лена не обсуждает график врачей с пациентами.

— Значит, я неправильно понял.

— Возможно.

Он всё-таки поднялся. Ростом он был выше, чем казался в кресле, и теперь кабинету стало теснее. Зера привыкла к пациентам, которые смотрели на неё сверху вниз, но в его взгляде не было обычного любопытства. Он изучал её, словно пытался найти незамеченную дверь.

— Вам выписали обезболивающее, — сказала она. — Принимайте только по инструкции.

— Я ничего не принимал.

— Почему?

— Хотел понять, насколько всё серьёзно.

— Теперь поняли?

— Пока нет.

— Тогда вам повезло. У вас есть врач.

Он посмотрел на неё ещё секунду.

— Вы всегда такая строгая?

— Нет. Иногда я молчу.

— Со мной молчать не получается?

— Вы слишком много спрашиваете.

— А вы слишком мало отвечаете.

— Зато по делу.

Он снова улыбнулся, и на этот раз улыбка была почти настоящей. От неё лицо сделалось моложе — не мягче, нет, только опаснее, потому что за привлекательностью легче было забыть о привычке распоряжаться чужим временем.

Зера первой отвела взгляд.

— Приходите в пятницу.

— Я приду.

Он вышел.

Лена сидела за стойкой и раскладывала документы. Когда Гирей прошёл мимо, она проводила его взглядом, дождалась, пока дверь закроется, и посмотрела на Зеру.

— У него действительно болит?

— Да.

— А зуб?

— Тоже.

— Я не об этом.

— Я знаю.

Лена покачала головой.

— Он приехал на полчаса раньше, чтобы услышать от тебя то же самое, что мог услышать по телефону.

— Возможно, ему спокойнее после осмотра.

— Ему спокойнее, когда он видит тебя.

Зера вернулась в кабинет и стала менять насадку на инструменте.

— Не придумывай.

— Я не придумываю. Я наблюдаю.

— Наблюдай за поставкой перчаток.

— А ты наблюдай за ним.

Зера ничего не ответила. Она открыла окно, но с улицы в комнату вошёл только горячий воздух, густой и пыльный. Внизу сигналил автомобиль. Кто-то смеялся у аптеки. Го-

род жил своей обычной жизнью, и только у неё внутри оставалось короткое, неприятное напряжение, будто она забыла вынуть из кармана острый предмет.

До вечера Зера старалась не думать о Гирее. Не получилось.

Он вспоминался не тогда, когда она была свободна, а во время работы: когда пациентка пожаловалась на мужа, который никогда не слушает; когда молодой человек спросил, можно ли оплатить лечение за двоих; когда Лена принесла ей кофе и сказала, что внизу снова ждёт курьер.

Зера раздражалась на себя. Ей не нравилось, что он занял место в мыслях без разрешения. Ещё меньше нравилось другое: рядом с ним она чувствовала не только опасность.

В нём была сила, которую он привык направлять на окружающих. В голосе — грубая уверенность. В движениях — сдержанность человека, знающего цену своему появлению. Всё это должно было отталкивать. И отталкивало.

Но когда он лежал в кресле, подчиняясь её указаниям, между ними возникало странное равновесие. Он был высоким, богатым и привыкшим командовать, а она держала в руках зеркало, инструмент и его боль. На несколько минут власть менялась местами.

Зера понимала, что именно её тревожит.

Ей нравилось, когда он слушался.

Она закрыла карту и резко встала из-за стола.

— Глупость, — сказала она.

Вечером Лена предложила подвезти её, но Зера отказалась. Она вышла из клиники одна, заперла дверь и проверила замок дважды. Воздух на улице был раскалённым, от асфальта поднимался запах горячей резины. У тротуара стояла тёмная машина.

Гирей сидел за рулём.

Зера остановилась, не переходя дорогу.

Он опустил стекло.

— Я хотел убедиться, что вы добрались.

— До чего?

— До дома.

— Я добираюсь сама.

— Я знаю.

— Тогда зачем вы здесь?

— Совпадение.

— Вы случайно припарковались напротив клиники после того, как случайно приехали сюда раньше назначенного времени?

Гирей посмотрел на неё, не смутившись.

— Вы всегда ищете подвох?

— Только когда его плохо прячут.

— Садитесь. Подвезу.

— Нет.

— Уже темно.

Зера оглянулась. Было без десяти семь, улица оставалась людной, окна соседних домов светились. Темнота ещё не

наступила, но Гирей говорил так, будто город принадлежал ему, а она стояла посреди пустой дороги.

— Я сказала нет.

Он чуть наклонил голову.

— Вы могли бы хотя бы не произносить это так, будто я сделал вам предложение.

— Вы ведёте себя так, будто сделали.

Между ними повисло молчание. В машине работал двигатель, из открытого окна пахло кожей и холодным воздухом от кондиционера.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда увидимся в пятницу.

— В клинике.

— Разумеется.

— Только там.

В его лице что-то изменилось. Улыбка исчезла.

— Вы так боитесь, что я приглашу вас куда-нибудь?

— Я не боюсь.

— Тогда почему ставите условия заранее?

— Потому что предпочитаю ясность.

— У вас есть кто-то?

Вопрос был задан буднично, но Зера услышала в нём право, которого он не имел.

— Это вас не касается.

— Вы правы.

— И ваша личная жизнь меня тоже не касается.

Он на мгновение отвёл взгляд. На приборной панели ле-

жал телефон, рядом — связка ключей. На одном из них висел металлический брелок в форме герба.

— Я женат, — сказал Гирей.

Зера промолчала.

Она заметила кольцо ещё в первый день, но тогда не придала этому значения. Теперь тонкая золотая полоса на его пальце показалась ей не украшением, а чёткой границей, которую он сам почему-то решил стереть словами.

— Ясно, — сказала она.

— Это что-то меняет?

— Да.

— Что именно?

— Я не сплю с женатыми мужчинами и не становлюсь их тайной.

— Мы пока ни о чём не договаривались.

— Теперь не договоримся.

Гирей смотрел на неё внимательно, почти неподвижно. На улице прошла женщина с пакетом, за ней бежал мальчик. Обычная сцена, не имеющая к ним никакого отношения.

— Вы делаете выводы слишком быстро, — сказал он.

— Зато не заставляю людей ждать.

— Я не просил вас становиться моей женщиной.

— А я не говорила, что вы просили.

— Тогда о чём мы спорим?

— Ни о чём. Вы женаты. Я ваш врач. Вы приходите на

лечение, я вас принимаю. На этом всё.

Зера развернулась и пошла к остановке.

— Зера.

Она остановилась, но не обернулась.

— Что?

— Вы даже не спросили, счастлив ли я в браке.

— Мне всё равно.

— Не верю.

Она повернулась.

— В этом и проблема. Вы слишком много себе позволяете верить.

Гирей молчал.

Зера впервые увидела в его лице не раздражение и не насмешку, а короткую растерянность. Ей почти захотелось смягчить сказанное, объяснить, что она не собирается унижать его, что ей просто не нужны тайные встречи, чужие обещания и место рядом с мужчиной, который возвращается домой к другой женщине.

Но объяснения часто принимали за приглашение к дальнейшему разговору.

Она отвернулась и пошла дальше.

В автобусе было душно. Зера стояла у окна, держась за поручень, и видела в отражении своё лицо: спокойное, собранное, немного бледное. Телефон завибрировал, когда автобус тронулся.

Номер был незнакомым.

«В пятницу я приеду вовремя».

Она прочитала сообщение дважды и удалила его.

Через минуту пришло второе:

«И только в клинику».

Его попытка пошутить не вызвала улыбки. Зера выключила звук и убрала телефон в сумку. За окном город плыл в жарком вечернем свете: вывески, пыльные деревья, лица прохожих, редкие пятна тени.

Она сказала себе, что всё сделала правильно.

Сказала ещё раз.

Но в памяти остался его голос — уже без насмешки, низкий и внимательный, — и это раздражало сильнее всего.

## **ГЛАВА 4**

# Возвращённый подарок

На следующий день Лена перестала улыбаться, едва Зера вошла в клинику.

Обычно по утрам за стойкой что-нибудь происходило: пропадала ручка, застревала бумага в печатающем устройстве, пациент по телефону пытался объяснить, какой именно зуб у него болит, словами «тот, которым жую». Теперь в приёмной было тихо. На краю стола лежал узкий кремовый пакет с плетёными ручками.

— Это тебе.

Зера поставила сумку на стул.

— От кого?

— От Керимова. Водитель привёз. Сказал, благодарность за помощь.

Из кабинета доносилось тонкое позвякивание: медсестра готовила инструменты. На стене часы показывали без двенадцати девять.

— Почему ты взяла?

— Я думала, конфеты.

В пакете оказалась коробочка, обтянутая серой тканью. Зера открыла её и несколько секунд смотрела на золотой браслет. Звенья лежали на светлой подкладке ровной полосой; в середине теснились прозрачные камни. Под крышку была вложена карточка.

«Не всё должно болеть. Гирей».

Зера прочитала, закрыла коробочку и положила обратно.

У подарка была неприятная убедительность. Его выбрали, оплатили, упаковали, привезли — целая цепочка чужих действий уже состоялась, пока она спала, ехала в автобусе, покупала воду. Ей оставили самое простое: обрадоваться.

— Красивый? — спросила Лена.

— Дорогой.

— Это не всегда одно и то же.

— Позвони водителю. Пусть заберёт.

Лена потянулась к телефону, но задержала руку.

— Он сказал, что возвращаться не будет.

— Уже сказал?

— На случай, если ты начнёшь отказываться.

Зера посмотрела на пакет. Значит, её ответ предусмотрели заранее. Не слышали — предусмотрели, как дорожную пробку.

— Тогда найди номер его приёмной. Автосалона.

— Зер, может, сама ему напишешь? Он же тебе вчера...

— Нет. Передай через секретаря, что личную вещь нужно забрать из клиники. Сегодня.

Она ушла переодеваться. В тесном шкафчике рукав халата зацепился за крючок. Зера дёрнула ткань, услышала треск нитки и остановилась. На плече разошёлся короткий шов.

Пришлось надеть запасной.

Первый пациент, пожилой бухгалтер, пришёл с женой.

Она отвечала вместо него, снимала с него очки, поправляла ворот рубашки и всякий раз говорила «мы», когда речь заходила о его зубах.

— Мы очень боимся укола.

— А я не очень, — неожиданно сказал мужчина.

Жена замолчала.

Зера придвинула стул.

— Тогда вы мне сами и расскажите.

Он благодарно посмотрел на неё. Маленькая победа стояла ему, кажется, больше самого лечения.

К половине одиннадцатого Зера почти успокоилась. Руки работали точно, привычная последовательность действий возвращала вещам их размер. Зуб был зубом. Инструмент — инструментом. На вопросы можно было получить ответы. Телефон зазвонил во время перерыва.

Номер она узнала по последним цифрам, хотя не сохранила.

— Слушаю.

— Вам не понравилось?

За окном дворник тащил шланг через плитку. Вода из неплотного соединения била ему на брюки.

— Заберите подарок, Гирей Ахтемович.

— Я спросил, понравилось ли.

— Я не принимаю украшения от пациентов.

— Значит, дело не во мне.

Она прижала пальцами переносицу.

— Дело в том, что я его не приму.

— Вы даже не посмотрели.

— Посмотрела. Теперь прошу забрать.

Он ненадолго замолчал. В трубке прозвучал другой мужской голос, и Гирей коротко бросил кому-то:

— Потом.

Зера представила человека, остановившегося у его стола с бумагами в руках. Этого неизвестного тоже заставили ждать, потому что браслет оказался важнее.

— Это благодарность врачу, — сказал Керимов уже мягче. — Без обязательств.

— Благодарность врачу — оплатить лечение.

— Вы со всеми такая принципиальная?

— Да.

— Не верю.

Она отвела телефон от уха, посмотрела на экран, словно там могло быть продолжение разговора, которое позволило бы его закончить без повторений.

— Вчера вы тоже не поверили. Мой ответ от этого не изменился.

— Оставьте коробку у себя. Захотите — наденете. Не захотите...

— Её заберут до конца дня или мне отправить в ваш автосалон?

Теперь молчание стало другим.

— Я приеду сам.

— За пакетом. Не на приём.

Он отключился.

Лена стояла в дверях с листком назначений. Судя по тому, как она держала его обеими руками, слышала достаточно.

— Не надо было брать, — сказала она.

— Ты не знала, что там.

— Я могла спросить.

Зера выдохнула.

— Теперь будем спрашивать.

Они убрали пакет в нижний ящик стойки. До сих пор там хранились запасные бахилы и забытые пациентами очки; внезапно понадобилось место для чужого самолюбия.

Гирей приехал после часа.

Перед этим Лена позвонила в кабинет:

— Он здесь. Я передам, хорошо?

— Передай.

Но через минуту дверь приоткрылась.

Зера сидела за столом, дописывая карту. Халат на плечах натянулся: она выпрямилась раньше, чем успела решить, как держаться.

— Сейчас перерыв, — сказала она.

— Я вижу.

В руке он держал кремовый пакет. Плетёные ручки глубоко вдавились между пальцами.

— Лена, побудь здесь, пожалуйста.

Та осталась возле шкафа.

Гирей посмотрел на администратора, потом на Зеру.

— Нам нужна публика?

— Нам вообще не нужен этот разговор.

Он закрыл дверь, но не до конца. Из коридора тянуло запахом кофе.

— Я хотел сделать вам приятное. Вы устраиваете из этого невесть что.

— Я вернула вещь, которую не просила покупать.

— Обычно говорят спасибо.

— Спасибо. Заберите.

Лена опустила глаза. Гирей заметил это движение, и Зера поняла: теперь он слышит в каждом её слове насмешку. Даже там, где её нет.

Он поставил пакет на край стола.

— Вы думаете, я вас покупаю?

— Я думаю, вы услышали отказ и решили прислать украшение.

— Одно с другим не связано.

— Тогда почему вы сердитесь?

Он открыл рот, но не ответил сразу. На скуле проступило напряжение.

Зера вдруг увидела, как легко было бы уступить в малом: улыбнуться, поблагодарить теплее, сказать, что браслет чудесный, просто слишком дорогой. Дать ему сохранить лицо. А потом пришлось бы объяснять, почему чудесный подарок всё-таки лежит в коробке и почему благодарная жен-

щина опять не хочет садиться в его машину.

Она поднялась, взяла пакет за ручки и протянула.

— Пожалуйста.

Гирей не шевельнулся.

Несколько секунд ей пришлось держать руку на весу. Именно это — нарочно затянутая неловкость — разозлило её сильнее прежних слов.

— Вы можете не брать. Лена отправит его с доставкой. Но здесь он не останется.

Он принял пакет.

— Вам нравится ставить людей на место?

— Мне нравится, когда меня слышат с первого раза.

— А мне не нравится, когда со мной разговаривают как с мальчишкой.

— Тогда не заставляйте меня повторять.

Из коридора донёсся вопрос пациентки: где можно помыть руки? Лена немедленно вышла, оставив дверь открытой настежь.

Гирей наклонился чуть ближе.

— Можно было без неё.

— Можно было не присылать.

Он задержал взгляд на её лице, словно ждал, что сейчас, без свидетеля, оно изменится. Потом повернулся и ушёл.

На столе осталась неглубокая вмятина в листке бумаги от поставленной коробочки. Зера провела по ней пальцем. Подушечка зацепилась за рваный край.

Она выбросила испорченный лист и взяла новый.

В машине Гирей швырнул пакет на соседнее сиденье. Коробочка выскользнула, упала крышкой вниз.

Водитель смотрел перед собой.

— В салон? — спросил он.

— Подожди.

Гирей открыл переписку. Напечатал: «Вы неправильно поняли». Стер.

Проблема была не в украшении. Его можно было вернуть в магазин, подарить кому-нибудь другому, забыть в ящике. Неприятно было вспоминать протянутую руку и женщину возле шкафа, старательно прятавшую глаза. Так смотрят, когда присутствуют при чужом унижении.

Он хотел, чтобы Зера осталась одна и сказала то же самое без этого ровного врачебного голоса. Или не сказала.

Телефон снова оказался у него в руке.

«Нам нужно поговорить спокойно».

Ответа не было.

Через десять минут он отправил ещё одно сообщение:

«Я не заслужил такого обращения».

Потом набрал её номер.

Зера увидела пропущенный звонок только после следующего пациента. Под сообщениями стояло время. Получалось, пока она объясняла женщине, как ухаживать за временной коронкой, Гирей продолжал разговор, из которого она давно вышла.

Она написала:

«Личные встречи и подарки мне не нужны. По вопросам лечения звоните в клинику. Завтрашний приём остаётся в силе».

Прочитано.

Почти сразу пришёл ответ:

«Не решайте за двоих».

Зера долго смотрела на эти четыре слова.

Ещё вчера её беспокоило, почему она запомнила его голос. Сейчас это казалось роскошной, пустяковой тревогой. Она могла испытывать что угодно: любопытство, раздражение, даже влечение. Ни одно из этих чувств не обязывало её продолжать.

Она сохранила переписку и закрыла экран.

В четыре позвонили Лене.

Сначала та отвечала обычным голосом:

— Завтра, в назначенное время... Да, запись подтверждена.

Потом выпрямилась.

— График доктора я не сообщаю. Если нужно изменить время приёма, назовите удобное... Нет. Во сколько она выходит из здания, я тоже не скажу.

Зера стояла у питьевого крана с бумажным стаканчиком. Вода уже перелилась через край и текла по пальцам.

— Кто?

Лена положила трубку.

— Помощник. Хотел узнать, когда ты сегодня освободишься.

Они помолчали.

— Я раньше говорила ему, что по пятницам у тебя бывает сокращённый день, — добавила администратор. — Когда записывала в первый раз. Обычный разговор. Он просил позднее время, я объяснила...

— Ты не обязана была угадывать.

— Теперь угадала.

К концу смены жара добралась даже до прохладного кабинета. На подоконнике согрелась вода, от перчаток зудела кожа между пальцами. Зера дважды проверила заполненную карту, потому что поймала себя на том, что прислушивается к звукам с улицы.

Последняя пациентка ушла без четверти семь.

Лена выглянула сквозь узкую щель между жалюзи.

— Стоит.

Зера не подошла.

— Он?

— Машина та же.

Первые несколько секунд ей хотелось выйти немедленно. Подойти и спросить, какое слово в её сообщении оказалось непонятным. Заставить убрать машину, перестать звонить, вернуть ей вечер, который ещё утром состоял из магазина, душа и недочитанной книги.

Но для этого пришлось бы снова разговаривать с ним.

— Я поеду с тобой, если предложение ещё действует, — сказала она.

Лена взяла ключи.

— Действует.

Они вышли вместе. Уличный воздух пах разогретым камнем и маслом из соседней закусочной. Гирей стоял возле машины без пиджака. На этот раз он не делал вид, что оказался здесь случайно.

— Зера. Минуту.

Она остановилась на верхней ступеньке. Лена осталась рядом.

— Вы получили моё сообщение?

— Получил. Поэтому и приехал.

— Я не буду с вами разговаривать.

Он коротко усмехнулся.

— Вы уже разговариваете.

Зера почувствовала усталость, тяжёлую и совершенно несвоевременную. Ей предлагали спор, в котором каждое слово считалось согласием участвовать.

Она повернулась к Лене:

— Пойдём.

Они прошли мимо него. Гирей не двинулся следом, только сказал ей в спину:

— Я всё равно завтра приду.

Зера не ответила.

В маленькой Лениной машине было душно. Ремень без-

опасности обжѣг металлической пряжкой ладонь. Пока они выезжали со стоянки, Зера смотрела прямо перед собой.

— Он едет? — спросила она наконец.

Лена проверила зеркало.

— Нет. Пока стоит.

Возле продуктового магазина они остановились. Зера купила хлеб, помидоры и молоко, которого дома оставалось достаточно. Просто ей понадобилось пройти между полками, постоять в очереди, ответить кассиру на вопрос о пакете. Заняться чем-нибудь, что не касалось Керимова.

Лена ждала у входа.

— Довезу до подъезда.

На этот раз Зера не возражала.

Дома она сначала открыла окно, потом закрыла: из двора поднимался горячий воздух. Разложила покупки. В холодильнике две одинаковые бутылки молока встали рядом, и от этой ненужной пары ей вдруг стало обидно.

Телефон завибрировал на столе.

«Вашей подруге необязательно вмешиваться».

Зера перечитала сообщение. Он видел, с кем она уехала. Это ещё ничего не доказывало, но теперь даже обычная дорога домой требовала оговорки: не поехал следом, насколько они заметили; остался у клиники, пока машина не повернула.

Она сделала снимок экрана, переслала Лене и заблокировала номер.

Потом проверила входную дверь.

Один раз. Сознательно не вернулась к замку, хотя уже на кухне захотелось.

Завтра в её расписании оставался пациент Керимов. Она собиралась оказать ему помощь, закончить необходимое лечение и больше не впускать его никуда, кроме кабинета.

На столе лежала хлебная крошка. Зера смахнула её в ладонь, выбросила, вымыла руки.

Украшение она вернула.

Спокойствие пока не вернулось.

## **ГЛАВА 5**

# Чужая забота

Утром машина не завелась.

Зера повернула ключ, услышала сухой щелчок и подождала. Вторая попытка ничего не изменила. На панели загорелись тусклые значки, потом погасли. За окном серел двор, зажатый между домами; над мусорными баками лениво поднимался пар.

Она опоздает.

Зера снова повернула ключ. Старый двигатель кашлянул и замолчал.

— Чёрт.

Она позвонила в клинику и предупредила, что задержится. Лена ответила сонно, но сразу проснулась, услышав её голос.

— Вызвать машину?

— Нет. Доеду сама.

На автобусной остановке уже толпились люди. Зера встала под навес, прижимая к груди сумку. Телефон завибрировал. На экране высветился незнакомый номер.

— Здравствуйте, доктор Алиева? Это из мастерской. Ваша машина готова.

— Какая машина?

— Та, которую утром привезли с вашего двора. Замена аккумулятора, проверка стартера. Можете забирать.

Зера не сразу поняла смысл услышанного.

— Я ничего не привозила.

— Её пригнал эвакуатор. Оплата уже внесена.

— Кто оплатил?

Мужчина замялся.

— Керимов.

Автобус подошёл, выпуская из дверей тёплый запах людей и дизельного топлива. Зера осталась на месте.

— Я не давала согласия на ремонт.

— Но ремонт уже сделан. Можете не волноваться, машина исправна.

Ей хотелось спросить, кто дал им право трогать автомобиль, как открыли его, кто вызвал эвакуатор и почему чужой человек знает, где она живёт. Вместо этого из горла вышло:

— Пришлите счёт.

— Счёт закрыт.

— Пришлите мне копию.

— Хорошо.

Он продиктовал адрес мастерской и положил трубку.

Подъехал следующий автобус. Зера вошла, приложила карту к считывателю и села у окна. На стекле дрожало её отражение — бледное, с собранными в узел волосами. Она смотрела на проплывающие дома и пыталась найти в случившемся что-нибудь обычное.

У машины сел аккумулятор. Богатый знакомый узнал об этом и помог.

Так можно было бы сказать, если не замечать остального: её двор, её автомобиль, чужой эвакуатор, оплаченную работу. Забота начиналась там, где человека спрашивали, нужна ли ему помощь. Всё остальное было распоряжением, замаскированным под услугу.

В клинику Зера приехала на восемнадцать минут позже назначенного времени. У стойки администратора лежал конверт.

— Это ещё что? — спросила она.

Лена подняла глаза.

— Документы из мастерской. Принесли курьером.

Зера вскрыла конверт. Внутри лежала копия заказа-наряда и короткая записка на плотной бумаге.

«Не ездите на неисправной машине. Это опасно. Гирей».

Она сжала бумагу так, что на сгибе проступила белая полоса.

— Он знает мой адрес.

— Он его уже знал, — тихо сказала Лена.

— Нет. Раньше он знал, где клиника. Теперь знает, где я живу.

Лена посмотрела на закрытую дверь кабинета, будто за ней мог кто-нибудь стоять.

— Позвони ему.

— Я заблокировала его номер.

— Тогда позвони помощнику.

— Нет.

Зера убрала документы в сумку. День только начался, а ей уже пришлось защищать вещи, которые считались бесспорно её собственными: машину, телефон, время.

Первый пациент пришёл с ребёнком. Мальчик держался за рукав отца и не хотел садиться в кресло. Зера присела перед ним, показала зеркало, дала потрогать ручку слюноотсоса. Мальчик спросил, будет ли больно.

— Я буду предупреждать тебя обо всём заранее.

Он подумал и кивнул.

Зера говорила спокойно, выполняла движения неторопливо и почти забыла о Гирее на двадцать минут. Потом увидела на подоконнике белый конверт, который Лена принесла из приёмной, и снова почувствовала, как внутри сжимается что-то холодное.

Керимов явился к полудню.

Он вошёл без охраны, в светлой рубашке с закатанными рукавами. Вид у него был такой, словно он приехал не к врачу, а проверить работу подчинённых.

— Я слышал, машина доставила вам хлопоты.

Зера не предложила ему сесть.

— Вы не имели права распоряжаться моей машиной.

— Она не заводилась.

— Я знаю. Это моя машина.

— Теперь заводится.

— Я сама решу, что с ней делать.

Гирей посмотрел на неё внимательнее. В его лице не было

ни смущения, ни сожаления — только терпеливое недовольство человека, которому объясняют очевидное.

— Вы собирались ехать на работу на неисправной машине.

— Я собиралась вызвать мастера.

— И сколько бы вы его ждали? Час? Два?

— Сколько потребуется.

— Зера, я не понимаю, почему вы превращаете простую помощь в оскорбление.

— Потому что вы помогли без моего согласия.

Он усмехнулся.

— Если бы я спросил, вы бы отказались.

— Да.

— Вот именно.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. За дверью работала бормашина, тонко и зло, как насекомое в стене.

— Вы слышите себя? — спросила Зера. — Вы считаете, что отказ можно обойти, если действовать быстрее?

— Я считаю, что иногда человек сам себе мешает.

— Тогда мешайте себе сами.

В его взгляде мелькнуло раздражение.

— Машина оплачена. Не надо возвращать деньги.

— Я верну.

— Не вернёте.

— Верну.

— Пусть это будет сделано.

— Нет. Это будет не сделано. Я перечислю деньги мастерской.

— Они их не возьмут.

У Зеры пересохло во рту.

— Почему?

Гирей пожал плечами.

— Потому что вопрос закрыт.

Он произнёс это ровно, без угрозы. Оттого фраза прозвучала хуже.

— Вам нравится закрывать вопросы за других?

— Мне нравится, когда проблемы решены.

— А мне нравится решать их самой.

— Вы слишком остро реагируете.

— Вы слишком много себе позволяете.

Гирей сделал шаг к двери, но остановился.

— Сегодня у вас сокращённый день?

Зера почувствовала, как в груди сжалось сердце.

— Кто вам сказал?

— Я умею узнавать расписание.

— Моё расписание не ваше дело.

— Я просто спросил.

— Нет. Вы проверяете, когда я уйду.

Он отвернулся, будто разговор утомил его.

— Вам нужно меньше бояться чужой заботы.

— Мне нужно, чтобы чужая забота не входила в мой дом без приглашения.

На этот раз он ничего не ответил. Только посмотрел на неё так, словно запоминал не слова, а слабое место.

— Я буду на приёме в пятницу, — сказал он.

— По записи.

— Конечно.

Он вышел.

Зера осталась у стола, не замечая, что держит пальцы в кулак. В кабинете пахло мятным раствором и нагретой резиновой перчаток. Она заставила себя открыть карту следующего пациента.

После обеда Лена позвала её в подсобное помещение.

— Я хотела сначала сама разобраться.

— С чем?

Администратор протянула распечатанное расписание.

В таблице появились изменения. Два вечерних приёма перенесли на утро, а пятничный рабочий день растянули до восьми вечера. Её выходной в следующую среду исчез.

— Кто это сделал?

— Управляющая.

— Зачем?

— Сказала, что так удобнее для пациентов.

— Каких пациентов?

Лена отвела взгляд.

— Керимова.

Зера перечитала строки. В пятницу Гирей был записан на семь вечера, хотя раньше его приём стоял на десять утра. В

среду вместо её выходного появился отдельный промежуток, обозначенный как «по предварительной договорённости».

— Что это значит?

— Я не знаю.

— Позови управляющую.

Через несколько минут в комнату вошла Марина Павловна — женщина с короткой стрижкой и привычкой говорить так, словно каждое объяснение уже согласовано с кем-то выше.

— Зера, не сердись. Керимов попросил подобрать ему удобное время. У него плотный график.

— И ради этого изменили моё расписание?

— Временно.

— Меня спросили?

— Мы собирались обсудить.

— Когда? После того как всё поменяли?

Марина Павловна поджала губы.

— Он крупный клиент клиники.

— Он пациент.

— Пациент, который привёл сюда многих людей.

— Тогда пусть записывается как все остальные.

— Не нужно драматизировать. Он оплатил ремонт оборудования в прошлом году.

Зера медленно положила лист на стол.

— Что?

— Аппарат для снимков. После поломки. Ты тогда ещё

была в отпуске.

— Я не знала.

— Это не было секретом.

— Почему его деньги дают ему право менять мою работу?

Марина Павловна устало вздохнула.

— Не дают. Но мы живём не в идеальном мире. Иногда приходится быть гибче.

— Гибкость — это когда я сама меняю время. Когда за меня решают, это называется иначе.

Управляющая посмотрела на Лену.

— Он не просил ничего плохого. Наоборот, сказал, что хочет избавить доктора от неудобств.

У Зеры похолодели ладони.

— Передайте ему: мои неудобства не нуждаются в его участии.

— Зера...

— И верните прежнее расписание.

Марина Павловна помолчала.

— Я попробую.

— Не попробуйте. Верните.

— Это не так просто.

Впервые за всё утро Зера почувствовала настоящий страх. Не тот, который возникал от его голоса или взгляда, а другой — трезвый, тяжёлый. Гирей не просто ждал у клиники и присылал подарки. Он уже добрался до её работы, до машины, до распорядка её жизни. Для него не существовало

закрытых дверей — только двери, которые пока не успели открыть.

— Кто владелец клиники? — спросила она.

— Ты прекрасно знаешь.

— Я хочу услышать.

Марина Павловна назвала фамилию владельца и добавила:

— Он сейчас за границей. Все вопросы решает управляющая компания.

Зера кивнула. Значит, Керимов мог связаться не только с ней, но и с теми, от кого зависела её зарплата.

— Я сама поговорю с владельцем.

— Не устраивай скандал.

— Скандал устраивает тот, кто меняет мою жизнь без разрешения.

Она вышла первой.

В кабинете Лена ждала у стола. На лице у неё стояло то же выражение, что и утром: тревога, которую она старалась не показывать.

— Я нашла номер мастерской, — сказала она. — Можно перевести деньги на их счёт.

— Они не возьмут.

— Тогда я отвезу деньги лично.

— Поедем вместе.

— Нет. Я не хочу, чтобы из-за этого ты тоже оказалась втянута.

Лена села.

— Ты думаешь, он остановится?

Зера посмотрела на распечатку. Время приёма Гирея было выделено жёлтым цветом, будто это был не человек, а важное предупреждение.

— Я не знаю.

Эта честность прозвучала страшнее любого ответа.

После смены Зера позвонила владельцу клиники. Он ответил только с третьего раза. Сначала говорил примирительно, потом сослался на деловую занятость, а под конец произнёс:

— Гирей Ахтемович — человек серьёзный. Не стоит портить отношения из-за расписания.

— Это моё расписание.

— Разумеется. Но клиника тоже должна учитывать интересы клиентов.

— Если вы продолжите менять мои часы без согласия, я подам заявление об увольнении.

На том конце повисла тишина.

— Не горячитесь.

— Я не горячусь. Я предупреждаю.

— Всё вернём, — сказал он наконец. — Разберёмся.

— Сегодня.

— Хорошо.

Он отключился.

Расписание вернули через сорок минут. Марина Павловна

принесла новый лист и положила его на стол, не поднимая глаз.

— Ты довольна?

— Нет. Но теперь хотя бы понимаю, что произошло.

— Не ищи врага в каждом жесте.

Зера сложила лист пополам.

— Когда человек оплачивает мою машину и меняет часы работы, врага искать не приходится.

На улице темнело. Возле клиники стояли машины, нагретые за день, и пахло пылью. Зера остановилась на тротуаре, достала ключи и несколько секунд не двигалась.

Старый автомобиль ждал у соседнего дома. Он действительно завёлся сразу. Двигатель работал ровно, без прежнего хрипа. На приборной панели не горели предупреждающие значки.

Исправная машина.

Чужая услуга.

Зера села за руль, положила руки на обод и закрыла глаза. Ей хотелось вернуть деньги, вызвать мастера ещё раз, заменить замки, переехать, сменить номер, найти другую клинику. Хотелось сделать всё сразу — не потому, что каждая мера была необходима, а потому, что впервые стало ясно: Гирей может появиться в любом промежутке между её намерением и поступком.

Телефон коротко дрогнул.

Сообщение пришло с незнакомого номера:

«Теперь вам будет удобнее приезжать в пятницу к семи. Я позаботился».

Зера прочитала его дважды.

Потом открыла дверь, вышла из машины и позвонила Лене.

— Ты уже уехала?

— Нет. Что случилось?

— Мне нужно, чтобы ты завтра была со мной с утра.

— Конечно.

Зера посмотрела на освещённые окна клиники. Внутри уборщица двигала шваброй по коридору, стирая следы чужих шагов.

— И ещё, — сказала она. — Найди контакты юриста. Не знакомого Керимова. Любого независимого.

— Зер...

— Я хочу знать, какие у меня есть права.

Она закончила разговор, села обратно и заперла двери.

Машина тронулась с места мягко, почти бесшумно. На первом перекрёстке Зера увидела в зеркале тёмный автомобиль, который выехал со стоянки следом за ней. Он держался на расстоянии, не приближаясь.

Она свернула во двор раньше обычного. Машина осталась на перекрёстке.

Зера ещё долго сидела в темноте, не выключая двигатель.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.